

**К**ак-то в начале девяностых под Новый год отправился я в Москву встречать важного гостя. Директор нашего музея попросила. Меня предупредили, что гость — итальянец, но немного говорит по-русски, что зовут его Андреа.

Как положено, встретил я, значит, этого итальянца в аэропорту, познакомились и помчали в Суздаль. Погода была снежная, мороз уши щиплет, только высунься. Андреа едет, в окно глядит, улыбается, вслух читает названия населенных пунктов: «Ногинск», «Эльектригёрск», «Петьюшки»... Да все приговаривает: «Виторио, красьиво, белиссимо!»

Ну, нравится — и хорошо! Пока ехали, рассматривал да расспросил я его. Красавец, девкам небось нравился в молодости сильно. Высокий такой, худой, как жена моя выражается — поджарый. Хотя седина его чуть длинных кудрявых волос да морщины на загорелом лице на возраст все ж намекали. Мне-то не впервой интуриста возить, по-простому я с ним. Он тоже не важничал, отвечал охотно, чего б я ни спросил.

Выложил он мне о себе всю справку. Живет на юге Италии, сейчас на пенсии, вот и начал по свету гулять. До этого работал мэром в одном тамошнем городе. Я это слово, пожалуй, от него первого и узнал. Он разъяснил мне, темному, что так называют главного чиновника в городе, вроде нашего председателя горисполкома выходит. Самому-то ему уж под восемьдесят годиков оказалось, хотя ни в жизни б не дал. Еще рассказал мне, что в России уже не первый раз, но мало что помнит. И замолчал...

Я его больше пытаться не стал, подумал, устал человек от самолетов, а тут я с допросами своими. Меж тем в разговорах да думах до Суздаля мы и добрались. Рейс-то был у него ранний, засветло приехали. Притормозил я у Турцентра, помог ему выбраться из машины, вещи достал. Жму гостю руку, а итальянец на меня посмотрел так серьезно, но при этом как-то и жалостливо одновременно:

— Виторио! Друх Виторио! Спасибо! Виторио, помагьи мня есчо!

Ну, думаю, ладно, все ж заслуженный возраст, думая вещи в номер затащить нужно, чемодан-то вон какой большой. Беру этот чемодан-нице, шагнул в направлении входа, а он меня за руку схватил, и опять за старое:

— Но-но! Виторио! Спасибо! Но-но! Виторио, помагай!

Тут уж я не выдержал, к жене-то домой хочется, не с ним же мне Новый год встречать!

— Чемодан дотащу, нетрудно, а чего ж еще?

— Ты знать деревня Березничи?

— Березницы, что ли?

— Си-си! Дья! Березничи!

— Знаю, само собой. Я ж суздальский уроженец. Десяти километров не будет отсель.

— Виторио! Друх Виторио! Свезы! Заплачу хо-рошьё! Дьяляри! Свезы!

Эх, думаю, влип ты, брат Витя. Жалко интуриста, смотрит чуть не в слезах. И чего ему сдалась эта Богом забытая деревенька. А домой охота... Не поймешь их. Посоветовал ему, что ль, кто туды поехать крах социализма поглядеть?.. Если так, чтоб над Родиной посмеяться да страшилки фотать, — не повезу, думаю.

— Покой вам туды надо-то в такой мороз?

— Виторио! Друх! Березничи! Свезы! Заплачу! Война былья! Любоф!

\* \* \*

**Ш**тука вышла вот такая. В войну, оказалось, итальянец мой служил, и, как ты понимаешь, не за советскую власть. Ну вот. Угодил он, значит, в плен и был отправлен в Суздальский лагерь. Как он выразился, в «тюрма в монастыра». Я догадался, что это Андреа мне про лагерь для пленных в Спасо-Евфимиевом монастыре рассказывает. Сейчас в монастыре музеи разные, есть выставка и про тюрьмы, какие во все времена там были. Ладно, думаю, не шибко удивил, дальше что.

А дальше вот оно что. Андреа и другие пленники под Суздалем в деревушке Березницы строили коровники. Наши-то мужики все на фронте, а тут такая силушка пропадает.

Так вот. Привезли их в Березницы, работают, кирпичи таскают. Рядом наши колхозницы тоже трудятся. И тут одна, с ножом в руках, вдруг пошла на него. Андреа смотрит то на колхозницу, то на охранников. Тем и дела вроде как нет, курят где-то в сторонке, смеются о чем-то своем. У него речь пропала от неожиданного поворота событий. Речь пропала, а мысли в голове быстро так несут-

ся. Мысленно Андреа уже все решил для себя: идет, значит, на него русская девушка, у которой жениха, или отца, или брата, а может, и того, и другого, и третьего, да еще и дядю какого на войне убили. Убили фашисты, то есть его сослуживцы, а в ее понимании — так он именно их и убил. Кровь за кровь! Сейчас она ему за всех сродников и отомстит разом, отведет душу.

Подошла колхозница к нему близко-близко. Он смотрит на нее, трясется, а голос ушел и не вернется никак. Одна слеза прорвалась через всю блокаду его прощального предсмертного страха и упала на кирпич в руке. Мог бы он замахнуться на нее, да рука не поднялась. В чем-то ее поступок ему казался справедливым.

После уж Андреа долго удивлялся, как столько мыслей за одну минуту может в голове прокрутиться.

А тогда был он удивлен еще больше. Подошла к нему девушка в упор и достала из кармана на фартуке кусок серого хлеба. Отрезала она большую часть от горбушки и протянула ему. Он растерялся, слезы текут — не остановить, руки разжать не может — глядит на нее и плачет. Она, значит, тоже не удержалась... Сунула ему хлеб за пазуху, отвернулась резко и побежала.

Когда чуть отошел итальянец, увидел, что во-круг встала вся работа. И охранники, и пленные, и девушки другие — все стояли недвижимо, на глазах у многих были слезы. Андреа сказал мне, что его еще долго не покидало чувство, что какое-то важное, судьбоносное и абсолютно чудесного характера событие для всех произошло в этот момент, что эта горбушка обязательно отразится на исходе войны, на отношении воюющих народов друг к другу. Вот ведь итальянцы, все у них масштабное, чувствительная нация!

Как закончился тот трудовой день, он не помнил — тело его работало отдельно от головы. В голове не хватало места для таких пустяков, как кирпичи и норма их выгрузки. Все его думы были о случившемся. Он смотрел в сторону девушек-колхозниц, смотрел на нее. Вся в веснушках, с рыжими волосами, выбивавшимися из-под платка, крупная, но легкая в походке, она справно работала с подругами. Хотя иной раз какая-то неловкость ее движений выдавала, что и ей это происшествие далось нелегко, что она тоже переживает случившееся в своем сердце. Еще Андреа запомнил кулон из серебра, выпавший из расстегнутой на груди телогрейки этой девушки, на нем был изображен, видать, какой-то русский святой.

Все это он прокручивал в памяти вновь и вновь ночью в камере... Так у него и отложилось: хлеб,

русский святой, девушка, ощущение масштаба и чудесности события... Русская девушка, принесшая ему святой хлеб, много значивший для исхода этой страшной битвы. Он и теперь воспринимает тот день только так.

Как частицу святости Андреа поделил хлеб с итальянскими пленными, спавшими на соседних нарах. Не для того чтоб их накормить (горбушка была слишком маленькой), нет. Но чтобы и им досталось чуть-чуть обретенной им святости. Глаза их блеснули в сумерках камеры сильнее обычно... Каждый вспомнил что-то свое: дом, родных, любимую... Андреа вспоминал мать, сестер и... ту русскую девушку. Больше всего он боялся, что не сможет увидеть ее еще раз.

\* \* \*

**О**ни встретились. Встретились на следующий день, все там же, на работах в Березницах. Эта девушка и другие колхозницы подошли к пленным, угостили их «чем Бог послал». Охранники не возражали, так как угощение перепало и им. Так продолжалось все время работы пленных на стройке. Они познакомились. Андреа не знал русского, девушка не знала итальянского. Общались как первобытные люди, на смеси жестов и слов. Подруги звали девушку Нюрой. Так она ему и представилась, потом быстро исправившись: Анна. Сколько раз с благодарностью, превратившейся во влюбленность, Андреа шептал ее имя во сне и наяву, вспоминая самую красивую, святую для него русскую девушку, принесшую ему хлеб вместо смерти. В последнюю их встречу он поцеловал Нюру руку, та засмушалась, покраснелась, заплакала и убежала.

На следующий день Андреа и прочих пленных итальянцев перевели в другой лагерь, далеко от наших мест, а по окончании войны отпустили домой. Так они больше и не свиделись.

\* \* \*

**Н**есмотря на ломаный русский моего итальянца, все я понял. И ничего дальше не говоря, посадил его в машину и вдарил по газам. В Березницах на улице было глухо. Мороз да близость Нового года разогнали оставшихся жителей по домам. На наше счастье, вдалеке оказалась какая-то бабка. Почти есенинская старуха в латаном-перелатаном ватнике, который, кроме

как шушунном, по-другому и не назвать, таких же штопаных валенках без калош, в облезлом пуховом платке, шла едва освещенной деревней по воду.

Андреа чуть ли не на ходу выбежал из машины к этой старухе. Я не стал глушить мотор, вышел следом за ним. Разговорились. Андреа своим видом напоминал студента, который, затаив дыхание, читает вновь и вновь списки о поступлении, пытаюсь найти свою фамилию. Он искал в лице этой старухи свою юность, свою незабытую русскую любовь.

\* \* \*

**Н**о это была не Нюра.

Хотя бабка ее помнила, так как она тоже работала тогда на стройке коровников.

Она объяснила итальянцу, что Нюра делилась с ним хлебом в надежде, что где-то добрая девушка, Бог весть какой национальности, так же покорит ее братика, от которого давно не было писем, несколько раз приходили похоронки. Кормила русская девушка этого голодного, в оборванной форме и чунях на ногах худущего итальянца, думая о своем брате, не обращая внимания на знаки различий. Так рассуждали и остальные делившиеся с пленными едой женщины в Березницах... и по всей стране. Не врагов они видели в этих голодных и измученных парнях, ни бельмеса не понимавших по-русски, а своих родненьких отцов, мужей, жен, братьев, волочивших солдатскую лямку на чужбине.

Вскоре после войны Нюра вышла замуж и уехала куда-то на юг. Родни в деревне у нее не осталось — не здешняя она была.

Так следы Нюры потерялись, и, видимо, навсегда.

\* \* \*

**П**осреди улицы — двух утонувших в снегу рядов покосившихся домишек — в освещении фар в распахнутом дорогом пальто и фетровой шляпе стоял седовласый красавец Андреа, крепко обнимавший низенькую старуху в латаном-перелатаном ватнике и облезлом пуховом платке. Оба плакали. Да и я, на днях бросивший губить здоровье, первый раз за месяц решил закурить...